

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 572.951

DOI: 10.17223/19988613/69/19

А.И. Бураев

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО АНТРОПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматривается возможность использования данных иконографии как источника по палеоантропологии. При исследовании скульптурных изображений из средневековых курганов (VII в.), оставленных на территории Монголии тюрками-теле, доказана их портретность и реалистичность. Сравнительный анализ скульптурных материалов позволил сделать вывод о принадлежности большей части прототипов к южносибирской расе, к которой относится большинство современных тюркских народов Северной Евразии. Другая часть демонстрирует иной комплекс признаков, характерный для восточноазиатской расы, в которую включают часть современных народов Северного Китая, Кореи и Дальнего Востока.

Ключевые слова: палеоантропология; иконография; скульптура; Монголия.

Источниками для палеоантропологических исследований могут служить разнообразные исторические свидетельства. Иногда описания древних народов, отдельных исторических деятелей приводятся в письменных источниках. Можно использовать и данные глоттохронологии, зачастую определяющие этническую принадлежность изучаемого древнего народа. Однако основным источником в палеоантропологии, несомненно, являются скелетированные останки. В то же время кость не всегда хорошо сохраняется в погребениях, откуда и происходят подобные материалы. Нередко в захоронениях происходит деформация черепов, что делает их непригодными для измерения. Но в определенных случаях, к сожалению, достаточно редких, исследователь имеет возможность обратиться к иконографическим данным. Изобразительные материалы прошедших эпох достаточно давно использовались в антропологических исследованиях.

Имеются работы конца XIX – начала XX в. по древнеегипетской иконографии. В них проведено сопоставление древнеегипетских изображений с современными расовыми подразделениями [1, 2].

В 40-е гг. XX в. выходят работы Г.Ф. Дебеца по таштыкским погребальным маскам из Хакасии. Автор выразил в градусах горизонтальный профиль среднего отдела лица и подсчитал процент встречаемости отдельных морфологических вариантов в области носа. На основании исследования ученый пришел к выводу о сходстве населения таштыкской культуры Минусин-

ской котловины с современными шорцами и хакасами [3, 4].

Особо отметим новаторскую по подходам статью И.И. Гохмана и Л.Л. Барковой, основанную на палеоантропологических данных и анализе изображений с Алтая, выполненных в разном материале [5]. Авторами осуществлен сравнительный анализ краниологических данных с изображениями человеческих лиц из пазырыкских курганов. Результаты иконографических и краниологических данных совпали. По двум источникам зафиксировано присутствие на Алтае монголоидных, европеоидных и метисных популяций.

Значительное количество работ опубликовано по терракоте кушанской Бактрии. Наибольший вклад в изучение керамической микропластики внесла Г.А. Пугаченкова. Она выявила портретность и реалистичность скульптур из Халчаяна и Дальверзина в Узбекистане. Автор показала их морфологические особенности и определила расовую принадлежность [6–11].

Существенные дополнения и изменения в антропологическую характеристику этого же материала внес В.П. Алексеев. Он использовал соматологические методики, разработанные А.И. Ярхо и В.В. Бунаком; им были введены количественные характеристики скульптурного материала, дана его балловая оценка. Кроме того, В.П. Алексеевым был предложен свой вариант расовой принадлежности прототипов скульптур [12].

Необходимо отметить палеоантропологические работы Т.К. Ходжайова по иконографическим материа-

лам из Средней Азии [13]. Кроме краниологической и расовой характеристики автор совместно с К. Абдуллаевым осуществил пластическую и графическую реконструкцию облика средневековых людей и сравнил их с синхронными им скульптурами [14].

Таким образом, у российской палеоантропологии есть значительный задел в изучении исторической иконографии. В то же время нам не известны исследования по древним скульптурным изображениям из Монголии, где активно, в сотрудничестве с монгольскими коллегами, работали зарубежные, в том числе и российские, археологи и антропологи. Безусловно, иконографический материал здесь есть. Однако заметим, что изображения от оленных камней до позднесредневековой буддийской скульптуры являются стилизацией и в лучшем случае отражают общее представление о том, как должен выглядеть человек того или иного времени и определенного иерархического статуса. Им не хватает индивидуальности, портретности изображенных, поэтому невозможно было дать сколько-нибудь приближенную к реальности антропологическую характеристику прототипов.

Все изменилось с открытием в 2009 г. кургана-кенотафа Шороон Бумбагар в Замар сомоне Центрального аймака Монголии [15]. В настоящее время материалы раскопок кургана хранятся в Музее изобразительных искусств им. Занабазара (Улан-Батор, Монголия). В кургане были захоронены скульптуры условно погребенного и сопровождавших его лиц (рис. 1, 2). Скульптурную коллекцию составляют около 70 предметов, из них 63 пригодны для антропологических исследований. У остальных зафиксировано значительное повреждение красочного слоя, что делает их антропологическое описание невозможным. 35 единиц представляют собой керамическую микропластику, среди них 24 фигуры, выполненные в полный рост, 11 являются изображениями всадников. Другая группа скульптур выполнена из дерева – 28 единиц хранения. Из них 10 фигур в полный рост, среди которых явно выделяются два «зеркальных» изображения дуду, в честь которого и сооружен памятник. Еще 18 индивидов представлены фрагментарно, но сохранили лицо и тем самым пригодны для антропологической характеристики (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Скульптурные изображения дуду и сопровождающих его лиц из кургана Шороон Бумбагар. Дерево. Музей изобразительных искусств им. Г. Занабазара, г. Улан-Батор, Монголия. Фото автора

Рис. 2. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Бумбагар. Керамика. Музей изобразительных искусств им. Г. Занабазара, г. Улан-Батор, Монголия. Фото автора

Необходимо отметить, что при раскопках кенотафа были найдены две каменные плиты с иероглифическими надписями, на одной из которых четко указано время смерти человека, которому посвящен памятник, – 678 г. Кроме того, в надписи названо его имя – И-ту-шо-е, обозначены его многочисленные титулы и основные вехи военной деятельности. Он являлся предводителем племени пугу и, интерпретируя титул к российской истории, генерал-губернатором провинции империи Тан. В этой связи представляется весьма интересным упоминание в эпитафии ближайших предков И-ту-шо-е – его деда Гэлань-баяна и отца Сифу. Оба были вождями пугу и генерал-губернаторами той же танской провинции (округа) – Цзиньвэй. Таким образом, наряду с вполне естественным наследованием родового титула в племени по наследству передавалась и должность в имперской номенклатуре. Выявившееся обстоятельство, безусловно, свидетельствует о существенном влиянии телеской знати на управление присоединенными к империи Тан территориями. Отметим также значительную роль телеских племен в военных кампаниях государства, что также зафиксировано в поминальной надписи.

Как известно, пугу входили в состав объединения токуз-огузов, относились к тюркам-теле и большую часть своего существования на страницах истории были ближайшими союзниками средневековых уйгуров. Исходя из данных письменных источников, подкрепленных теперь и археологическими материалами, большую часть второй половины VII в. н.э. племя пугу, наряду с другими телескими племенами, находилось в подчинении империи Тан.

Антропологическая характеристика керамической и деревянной микроскульптуры была дана в специальной монографии автора настоящего сообщения [16]. Основываясь на сравнительном анализе антропологических особенностей, выявленных на скульптурных изображениях, было сделано предположение о том, что большая часть фигур, в том числе вся керамическая микропластика, принадлежит к южносибирской расе, к которой относится большинство современных тюркских народов Сибири, Казахстана и Киргизии. Действительно, все фигуры такого типа изображают людей с доминированием признаков монголоидного расового ствола. Отметим сильную уплощенность лица и монгольский разрез глаз. Лицо высокое и широкое, ортогнатное, с выраженными скулами. С другой стороны, строение носа, скорее, выпадает из типично монголоидного комплекса признаков – нос у практически всех скульптур прямой, средневыступающий, с довольно высоким переносьем, иногда с горбинкой. У некоторых фигур фиксируется существенный рост бороды и усов. Такое сочетание признаков характерно для представителей южносибирской расы. Как мы уже выяснили, прототипы данного типа скульптурных изображений относились к племени пугу. Скорее всего, это была «аристократия» племени, так как сопровождать сюзерена в последний путь, по всей очевидности, должны были наиболее близкие к нему люди (в нашем случае – их скульптуры).

Другая (меньшая) часть фигур, по-видимому, принадлежит представителям танской администрации при

дворе И-ту-шо-е. По расовым характеристикам в таксономическом плане они могут быть отнесены к восточноазиатской расе, к которой в настоящее время относится значительная часть народов Китая. Скульптуры характеризуются монголоидным комплексом признаков. Так же, как и в предыдущем случае, отметим уплощенность лица и монголоидный разрез глаз. Лицо высокое, относительно узкое, ортогнатное. Нос узкий, слабовыступающий, с прямой спинкой. Переносье невысокое. Указанные признаки и в настоящее время отличают восточноазиатских монголоидов. От себя отметим и некоторый визуальный момент. Любому непредвзятому зрителю увидит значительную разницу в антропологическом облике двух выделенных групп. К аналогичному выводу приводят и различия в одежде между ними. Не автору судить, насколько адекватна предложенная им интерпретация, но невозможно отрицать портретность и реалистичность изображений, так же как и антропологические различия между ними.

Открытый немного позже (2011) курган, являвшийся реальным захоронением, во многом схожий с элементами кенотафа, был датирован авторами раскопок последней четвертью VII в. н.э., в том числе и по аналогии с описанным выше памятником [17]. Курган Улан Хэрэм Шороон Бумбагар был исследован совместной монгольско-казахстанской экспедицией в Баяннуур сомоне Булганского аймака Монголии [18]. Погребение находится довольно близко от вышеописанного кенотафа. Сразу отметим, что этот памятник значительно более представительен в части археологических находок. В кургане обнаружено захоронение мужчины. В погребении найдены уникальные вещи из золота, среди которых представлены сасанидские и византийские монеты, бронзы с позолотой и дерева. На стенах дромоса расположены великолепные фрески. Главное, что объединяет оба памятника, – наличие среди погребального инвентаря глиняной и деревянной микроскульптуры. Количество скульптур, найденных в мавзолее, превосходит число статуэток, обнаруженных в кенотафе, исследованном российско-монгольской экспедицией. Таким образом, погребенный в рассматриваемом кургане, скорее всего, занимал положение никак не ниже, чем вождь племени пугу. Возможно, он являлся вождем другого токуз-огузского объединения, но мог быть предшественником или наследником И-ту-шо-е в племени пугу.

В настоящее время все материалы хранятся в музее г. Хархорин (Монголия). Коллекция насчитывает более 90 скульптур. Среди терракотовых статуэток: 14 всадников и 25 мужских фигур в полный рост, тюркского облика и, предположительно, в одежде кочевников (тюрков); 25 мужских фигур в полный рост китайского облика в традиционных китайских одеяниях, представляющих, по всей видимости, чиновников танской администрации при ставке погребенного; 10 женских фигур, скорее всего – китайок, статус которых, по всей вероятности, был достаточно высок (рис. 3, 4). Кроме того, в коллекции представлены фигуры из дерева – 4 фигуры в полный рост и 17 фрагментированных изображений. Деревянные фигуры плохой сохранности, и определить их расовую при-

надлежность сложно. Однако, судя по сохранившимся частям лица и одежды, можно предположить, что их

прототипы (как и части керамических скульптур) относились к восточноазиатской расе (см. рис. 3, 4).

Рис. 3. Скульптурное изображение танского чиновника из кургана Улан Харам Шороон Бумбагар. Керамика. Хархорум Музей, г. Хархорин, Монголия. Фото автора

Рис. 4. Скульптурные изображения женщины восточноазиатского облика и мужчины-тюрка. Керамика. Хархорум Музей, г. Хархорин, Монголия. Фото автора

Антропологическая характеристика скульптурных материалов из Баяннурского кургана идентична описанию статуэток из Замар сомона. Отметим только, что скульптур восточноазиатского облика в Баяннуре существенно больше. Этот факт, несомненно, связан с большей вовлеченностью метрополии (в данном случае – империи Тан) в события на периферии и, возможно, с более жестким контролем за подчиненными племенами. Соответственно, можно предположить, что погребение Улан Харам Шороон бумбагар является более ранним памятником, чем кенотаф Шороон бумбагар. Это предположение основывается на том, что, как известно, уже в 679 г. среди собственно тюрков в Китае вспыхнуло достаточно мощное восстание [19. С. 297], которое продолжалось под разным руководством значительный отрезок времени. Таким образом, в степи состоялось возрождение Восточно-тюркского каганата [20. С. 121–122].

По всей видимости, сооружение подобных памятников являлось не тюрко-телеской, а танской традицией. На значительном расстоянии от представленных в настоящей статье памятников китайскими археологами исследован сходный курган, датируемый периодом правления династии Тан. По сообщению агентства Синьхуа, в 2019 г. в Китае была обнаружена усыпальница Сюэ Шао, первого мужа принцессы Тайпин, дочери императора Гаоцзуна. Гробница находится в про-

винции Шеньси, недалеко от ее столицы – г. Сиань. Он расположен на месте столицы империи Тан, города Чанъань. Так же, как и при раскопках монгольского кенотафа, в китайском памятнике обнаружена квадратная надгробная плита с эпитафией, где приведены данные о происхождении погребенного, его должности, причине смерти, времени захоронения и его потомках. Нас особо заинтересовало сообщение о том, что большую часть находок, по свидетельству китайских специалистов, составляет керамическая расписная микропластика, идентичная таковой из монгольских курганов [21]. К сожалению, детально ознакомиться с китайскими материалами и публикациями по результатам раскопок пока не представляется возможным.

Тем не менее предварительно можно признать все три памятника однотипными и синхронными в пределах данного периода правления династии Тан, а именно владычества императора Гаоцзуна (650–683). Не вызывает сомнения и констатация принадлежности поминальных сооружений представителям высшей аристократии империи.

Исходя из вышеизложенного, использование скульптурных изображений из погребений древних тюрков Монголии в расовом и этническом анализе населения эпохи Средневековья представляется возможным и необходимым. В настоящее время ученый может исследовать изображения реальных людей эпохи

Средневековья, оставленные их современниками. Безусловно, необходимо учитывать художественный талант автора, а также несомненно присутствовавшие устоявшиеся каноны, ограничения и цель изготовления скульптурных изображений. Кроме того, при анализе иконографических источников можно получить представление о строении мягких тканей лица, волосяном покрове и других характеристиках внешности, которые затруднительно выявить, изучая краниологические данные.

Исследованный материал позволяет аргументированно предполагать значительное присутствие наряду с представителями южносибирской и центральноазиатской рас носителей восточноазиатского комплекса признаков в средневековой Монголии. Вероятно, можно говорить об этнической экспансии танского Китая в среду кочевников центральноазиатских степей. Очевидно, это касается не только севера Монголии, но и других народов Северной Евразии, соседствовавших с империей Тан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hamy E. La figure humaine dans les monuments de l'Égypte ancienne // Bulletin de la société d'anthropologie de Paris. Ser. 5. 1907. Vol. VIII. P. 7–43.
2. Poole R. The Egyptian classification of the races of man // Journal of the anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1887. Vol. XVI. P. 370–379.
3. Дебец Г.Ф. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры (Минусинский край) // Краткие сообщения НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941. С. 28–29.
4. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер.; т. 4).
5. Гохман И.И., Баркова Л.Л. Кто они? Стерегищие золото грифы (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека) // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 418–426.
6. Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. 1965. № 1. С. 127–136.
7. Пугаченкова Г.А. Халчаян: к проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 287 с.
8. Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. 202 с.
9. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л.: Аврора. 1978. 104 с.
10. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979. 247 с.
11. Pugachenkova G.A. The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan: semantics and image // Bulletin of Asia Institute. New Series. 1989. Vol. 3. P. 15–19.
12. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 445 с.
13. Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Старый Термез (к антропологии населения Бактрии – Тохаристана). Актобе: Актобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. 320 с.
14. Ходжайов Т.К., Абдуллаев К. Население кушанской Бактрии (антропология, письменные источники и изобразительное искусство). Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2011. 145 с.
15. Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 164 с.
16. Бураев А.И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 240 с.
17. Эртний нуу дэлчдийн урлагийн дурсгал. Cultural monuments of ancient nomads. Ulaanbaatar, 2017. 248 с.
18. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 290 с.
19. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 2013. 560 с.
20. Камалов А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: Мир, 2017. 384 с.
21. На северо-западе Китая нашли 1300-летнюю гробницу члена императорской семьи. URL http://russian.news.cn/2019-12/18/c_138640770.htm (дата обращения: 20.09.2020).

Alexei I. Buraev, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: buraev1961@mail.ru

SCULPTURAL IMAGES AS A SOURCE FOR ANTHROPOLOGY OF THE MEDIEVAL POPULATION OF NORTHERN EURASIA

Keywords: paleoanthropology; iconography; sculpture; Mongolia.

The aim of this article is to prove the possibility of using the iconography data as a source for paleoanthropology of Northern Eurasia. The tasks of the research included the determination of the degree of realism and portraiture of the medieval sculptural images. The main sources were the ceramic microplastics and the wooden sculpture of the 7th century kurgans in Mongolia.

In the cenotaph-kurgan Shoroon Bumbagar in Zaamar sum of the Töv aimag in Mongolia 63 sculptures suitable for anthropological research were found. 35 units are ceramic microplastics. Among them, 24 figures are full length, 11 are images of horsemen. 28 sculptures are made of wood, 10 of which are full length figures. 18 units are presented in fragments. Currently, the materials are stored in the Zanabazar Museum of Fine Arts (Ulaanbaatar).

More than 90 sculptures were found in the Ulaan Kherem Shoroon Bumbagar kurgan in the Bayannuur sum of the Bulgan aimag in Mongolia. Among the terracotta figurines: 14 horsemen and 25 male figures in full length, of Turkic appearance and, presumably, in the nomad clothes (Turks); 25 full length male figures of Chinese appearance, in traditional Chinese attire, apparently representing the officials of the Tang dynasty administration at the headquarters of the buried; 10 female figures. Additionally, wooden figures are presented in the collection – 4 full length figures and 17 fragmented images. All of the materials are situated at the exhibit and in the funds of the Kharkhorin museum.

The portraiture and realism of images has been proven. A comparative analysis of the materials allowed to make a conclusion on the belonging of most of the materials to the South Siberian race which includes most of the modern Turkic peoples of the Northern Asia. Figures depict people with domineering features of the mongoloid racial stock. The face is tall and wide, orthognathic, with pronounced cheekbones. On the other hand, the nose structure rather falls out of the set of typically mongoloid features – almost all of the sculptures have a straight, moderately protruding nose with a rather high bridge, sometimes with a hump.

Another part of the sculptural images demonstrates a different set of features characteristic for the East Asian race that includes part of the modern peoples of Northern China, Korea and Far East. The sculptures are characterized by the mongoloid set of features. Same

as the previous example, a flattening of the face and Mongolian slit-eye can be noted. The face is tall, relatively narrow, orthognathic. The nose is narrow, slightly protruding, with a straight bridge. The nose bridge is low.

Thus, we can reasonably speak of the ethnic expansion of the Tang China among the nomads of the Central Asian steppes. Based on the above, the use of the sculptural images from the burials of the Mongolian ancient Turks in racial and ethnical analysis of the Middle Age population appears to be possible and necessary.

REFERENCES

1. Hamy, E. (1907) La figure humaine dans les monuments de l'Égypte ancienne. *Bulletin de la société d'anthropologie de Paris*. [Bulletin of the anthropology of Paris]. 5(VIII). pp. 7–43.
2. Poole, R. (1887) The Egyptian classification of the races of man. *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 16. pp. 370–379.
3. Debets, G.F. (1941) Antropologicheskoe issledovanie pogrebal'nykh masok tashtyyskoy kul'tury (Minusinskiy kray) [Anthropological study of burial masks of the Tashtyk culture (Minusinsk Region)]. In: Debets, G.F. et al. *Kratkie soobshcheniya NII i Muzeya antropologii MGU za 1938–1939 gg.* [Brief reports of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University for 1938–1939]. Moscow: [s.n.], pp. 28–29.
4. Debets, G.F. (1948) *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Gokhman, I.I. & Barkova, L.L. (2003) Kto oni? Steregushchie zoloto grify (opyt rekonstruktsii antropologicheskogo sostava i sotsial'noy struktury po dannym paleoantropologii i izobrazheniy cheloveka) [Who are they? Vultures guarding gold (an attempt of reconstructing the anthropological composition and social structure according to paleoanthropology and human images)]. In: Alekseeva, T.I. (ed.) *Gorizonty antropologii* [Horizons of Anthropology]. Moscow: Nauka. pp. 418–426.
6. Pugachenkova, G.A. (1965) K ikonografii Geraya (o nekotorykh voprosakh rannekushanskoy istorii) [To the iconography of Gerai (on some issues of early Kush history)]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 127–136.
7. Pugachenkova, G.A. (1966) *Khalchayan: k probleme khudozhestvennoy kul'tury Severnoy Baktrii* [Khalchayan: On the problem of artistic culture in Northern Bactria]. Tashkent: Fan.
8. Pugachenkova, G.A. (1971) *Skul'ptura Khalchayana* [The Halchayan Sculpture]. Moscow: Iskusstvo.
9. Pugachenkova, G.A. (1978) *Khudozhestvennye sokrovishcha Dal'verzin-tepe* [Art Treasures of Dalverzin-Tepe]. Leningrad: Avrora.
10. Pugachenkova, G.A. (1979) *Iskusstvo Baktrii epokhi kushan* [Art of Bactria of the Kushan era]. Moscow: Iskusstvo.
11. Pugachenkova, G.A. (1989) The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan: Semantics and Image. *Bulletin of Asia Institute. New Series*. 3. pp. 15–19.
12. Alekseev, V.P. (1989) *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnogenesis]. Moscow: Nauka.
13. Hodzhajov, T.K., Mustafakulov, S.I. & Hodzhajova, G.K. (2012) *Staryy Termez (k antropologii naseleniya Baktrii – Tokharistana)* [Old Termez (to the anthropology of the population of Bactria – Tokharistan)]. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archeology.
14. Hodzhajov, T.K. & Abdullaev, K. (2011) *Naselenie kushanskoy Baktrii (antropologiya, pis'mennye istochniki i izobrazitel'noe iskusstvo)* [Population of Kushan Bactria (anthropology, written sources and fine arts)]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
15. Ochir, A., Danilov, S.V., Erdenebold, L. & Tserendorzh, Ts. (2013) *Ertniy nyidelchdiyn bunkhant bulshny: maltlaga, sudalгаа. (Tovaymgiyn Zaamar sumyn Shoroon bumbagaryn maltlagyn taylan)*. Ulaanbaatar: [s.n.].
16. Buraev, A.I. (2016) *Drevnie tyurki Mongolii (rekonstruktsiya antropologicheskogo sostava po dannym skul'pturnykh izobrazheniy)* [The ancient Turks of Mongolia (reconstruction of the anthropological composition according to the sculptural images)]. Ulan-Ude.
17. Ochir, A., Erdenebold, L. (ed.) (2017) *Ertniy nuu delchdiyn urlagiyn dursгал* [Cultural monuments of ancient nomads]. Ulaanbaatar: SB RAS.
18. Ochir, A., Erdenebold, L., Kharzhaubay, S. & Zhantegin, Kh. (2013) *Ertniy nyidelchdiyn bunhant bulshny: maltlaga, sudalгаа. (Bulgan aymgiyn sumyn Ulanhermiyn Shoroon bumbagaryn maltlagyn taylan)*. Ulaanbaatar: [s.n.].
19. Gumilev, L.N. (2013) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Ayris-press.
20. Kamalov, A.K. (2017) *Tyurki i irantsy v Tanskoy imperii* [Turks and Iranians in the Tang Empire]. Almaty: Mir.
21. Russian.news.cn. (2019) *Na severo-zapade Kitaya nashli 1300-letnyuyu grobnitsu chlena imperatorskoy sem'* [1300-year-old tomb of an Imperial family member found in Northwest China]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2019-12/18/c_138640770.htm (Accessed: 20th September 2020).